

После двух разогревающих миниатюр началось представление «Восхождение на трон» в исполнении Шан Сижуй и Юй Цин. В этой пьесе три главных роли, и Шан Сижуй играл каждую из них в разное время. Сегодня, в день открытия сезона, он исполнил лишь сцену коронации, не ради новизны, а ради праздничного настроения. Это была очень благоприятная сцена, от декораций до костюмов актёров — всё было пропитано радостью. Смысл сцены, «двойное счастье, горькое сменяется сладким», был всем хорошо знаком, и зрители, зная его наизусть, вовремя подхватывали и подбадривали.

Именно в этот момент командующий Цао вошёл вместе с Юй Цин, игравшей Ван Баоцян. На сцене прекрасная героиня грациозно поднималась на трон, чтобы поклониться императору, а в зале грубоватый мужчина торопливо занимал своё место, чтобы насладиться представлением. Чэн Фэнтай наблюдал за происходящим на сцене и в зале, замечая контраст между мягкостью и жёсткостью, изяществом и грубостью. Если бы это было несколько лет назад, во времена междоусобных войн, когда командующий Цао приходил на спектакль, адъютант громко объявлял бы: «Командующий прибыл!», и, независимо от того, в какой момент шёл спектакль, все зрители вставали бы, чтобы приветствовать его, а на сцене бы замолкали музыканты. Даже принцы прошлых династий не удостоивались такого внимания. С тех пор как командующий Цао прибыл в Бэйпин, он стал гораздо скромнее, но многие зрители на первом этаже всё же встали сами. Двое из оркестра по привычке перестали играть. Дядюшка Ли, не переставая перебирать струны, бросил на них укоризненный взгляд, и те поспешили продолжить.

В это время актёр, игравший Сюэ Пингуя, слегка поклонился, словно не решаясь, стоит ли прерывать спектакль, чтобы приветствовать командующего Цао. Юй Цин и Шан Сижуй с первого взгляда нашли общий язык и были схожи по характеру — на сцене для них главным всегда был спектакль. С тяжёлым и властным взглядом они посмотрели на Сюэ Пингуя, и тот, наконец, успокоился и снова сел на трон.

Командующий Цао громко ступал сапогами по полу, поднимаясь на второй этаж с внушительным видом. В ложе чиновники одни улыбались и кивали ему, другие делали вид, что не замечают. Это было время напряжённости, и командующий Цао мгновенно понимал, кто на его стороне, а кто против.

Другие могли держаться сдержанно, но Чэн Фэнтай и Фань Лянь были обязаны проявить тепло по отношению к командующему Цао. С возрастом командующий Цао стал особенно ценить умных и красноречивых молодых людей. Он был рад встретить такого выдающегося юношу, как Фань Лянь, и громко называл его «шурином шурина», хлопая по спине и руке, даже не взглянув на милую девушку, которая сидела рядом. Та была напугана мощной аурой этого военачальника, похожего на тигра, и едва слышно отодвинула стул, боясь привлечь его внимание. Чэн Фэнтай помог ей передвинуть чашку с чаем и тарелку с фруктами, отчего девушка покраснела, а он улыбнулся ей.

Командующий Цао, словно у него было несколько глаз, тут же заметил это и хлопнул Чэн Фэнтая по руке:

— Я ещё не пришёл, а ты уже вовсю наслаждаешься спектаклем! Хо! Вкуснятину! И ещё пытаешься флиртовать с девчонкой!

Фань Лянь бросил на него недовольный взгляд. Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Шурин, не стоит сразу же шутить надо мной. Давайте смотреть спектакль!

В этот момент на сцену вышла принцесса Дайчжань в исполнении Шан Сижуй. На ногах у него были туфли на платформе, а на голове — головной убор, украшенный перьями зимородка. Будучи мужчиной высокого роста и широкоплечим, он в этом наряде делал Ван Баоцянь казаться ещё более хрупкой и изящной, что придавало сцене встречи императриц комический оттенок. Это было похоже на комический дуэт, где один актёр высокий, а другой низкий, один толстый, а другой худой, и зрители уже заранее смеются, ещё до того, как актёры произнесут слово.

В зале раздался смех, перемежающийся аплодисментами. Атмосфера открытия сезона отличалась от обычной: кто-то кричал «Мастер Шан!», кто-то «Поздравляю с процветанием!», а один парень даже встал и крикнул:

— Мастер Шан! После Нового года вы поправились!

Некоторые поклонники оперы особенно любили смотреть на боевые сцены в исполнении Шан Сижуй, поэтому внимательно следили за его фигурой. Сам Шан Сижуй часто не замечал, поправился он или похудел, но они могли определить это с первого взгляда. Если бы это было обычное выступление, Шан Сижуй бы не обратил на это внимания. Но открытие сезона было особенным — здесь не было строгих правил, только веселье. Шан Сижуй повернулся к залу, развёл руками и произнёс:

— Император уехал на десять дней, а я думаю о нём и днём и ночью. Думая о нём, съел три миски риса; думая о нём, выпил шесть тарелок супа. Эх! Что за рис, что за суп? Объялся, но всё равно чувствую себя несчастным! Вот! Посмотрите! Набрал целую кучу жира!

Это была переделка из песни «Падение зеркала», и зрители взорвались смехом, свистом и аплодисментами. Тот, кто начал разговор, крикнул со своего места:

— Вижу! Все такой же красавец!

Это вызвало новую волну смеха. Несколько чиновников на втором этаже, никогда не слышавших таких грубых песен, наблюдали за весельем внизу, смеясь, но не понимая всей прелести этой импровизации. Только командующий Цао, выходец из простого народа, указывая на Шан Сижуй и хлопая по подлокотнику кресла, смеялся громче всех:

— Этот Сяожуй, ум у него работает слишком быстро!

Вдалеке Ду Ци, стоя у стены с сигаретой во рту, закашлялся от смеха. Он хорошо знал оперные тексты и признавал, что Шан Сижуй был настоящим мастером своего дела!

Закончив с залом, принцесса Дайчжань вернулась к спектаклю и спела, гордо поднимаясь на трон, а затем обратилась к Ван Баоцянь:

— Мада Цзянхай, перед императором, откуда взялась эта госпожа с такими глазами?

Мада Цзянхай ответили в один голос:

— Это та самая, о которой император говорил на трёх перевалах: Ван Баоцянь — госпожа Ван, это она!

Принцесса Дайчжань сказала:

— О, император на трёх перевалах говорил о госпоже Ван Баоцянь?

— Именно так!

Принцесса Дайчжань украдкой осмотрела Ван Баоцянь, хлопнула в ладоши и, обращаясь к залу, улыбнулась:

— Ай-я-я! У этой госпожи Ван брови, как листья ивы, глаза, как ядра абрикоса, и маленький ротик, как вишенка. Она чем-то похожа на мастера Юй Цина!

Это была явно импровизация, нарисовавшая Юй Цину лицо, похожее на корзину с фруктами. Мада Цзянхай замерли, а затем, опомнившись, согласились. Шан Сижуй с удовлетворением слегка приподнял подбородок. Ему ещё не хватало смеха на втором этаже, и теперь, добившись своего, он наслаждался волнами смеха, которые прокатились по залу, ожидая, как Юй Цин ответит.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Как он только додумался до этого! Такой проказник! Мастер Юй, попавший в такую неожиданную ловушку, наверное, после спектакля его побьёт!

Фань Лянь тоже засмеялся:

— В других труппах только закрытие сезона бывает таким веселым, а у Сяожуя открытие похоже на комедийное шоу! Вот почему у него всегда аншлаг. Посмотри, даже те, кто обычно не ходит на оперу, сегодня здесь.

Свободолюбивый и остроумный характер Шан Сижую не мог быть ограничен сценой, а опера — это искусство, требующее строгого соблюдения правил. Поэтому Шан Сижуй переделывал старые пьесы, создавал новые, навлекал на себя критику, но продолжал идти вперёд, что, несомненно, было проявлением его бунтарской натуры. Открытие сезона стало для него настоящим праздником, когда он мог вести себя на сцене как угодно, и никто бы его не ругал, а только аплодировал. С детства, когда обучение опере было тяжёлым и скучным, он ждал только этого дня, чтобы весело петь.

На сцене принцесса Дайчжань и Ван Баоцянь обменялись приветствиями. Юй Цин, сдерживая смех, подошла к Шан Сижую, притворилась, что внимательно рассматривает его с головы до ног, а затем сказала:

— Эй! Я присмотрелась, и вижу, у моей сестрёнки высокий рост и тонкая талия. Меч-брови, звёздные глаза, краше Пань Аня. Она чем-то похожа на нашего мастера Шан Сижую!

Зрители снова взорвались смехом. Юй Цин ответила безупречно, но слова «меч-брови, звёздные глаза, краше Пань Аня» использовались для описания мужчин, а не актрис, что было явной шуткой. Но мастер Шан оставался мастером Шаном — хоть в жизни он мог быть немного рассеянным, на сцене он был остроумен и всегда находил выход.

Шан Сижуй притворился смущённым и прикрыл половину лица платком:

— Сестрица, не смейся надо мной! Мастер Шан — красавец, один на десять тысяч, знаменитый красавец всего Пекина! Я до него не дотягиваюсь!

Все покатались со смеху.

Фань Лянь, хлопая по столу, засмеялся:

— Ох, уж этот парень, он мастер самооправдания, вся его хитрость на сцене!

<http://bllate.org/book/15435/1368648>